

ВОСПОМИНАНИЯ

ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР НАКАНУНЕ ВОЙНЫ *

(ИЗ ЗАПИСОК НАРКОМА)

Б. Л. Ванников

В 1939 г. по инициативе наркомата обороны в правительстве обсуждался вопрос о прекращении производства пистолета-пулемета Дегтярева (ППД) и аннулировании соответствующих заказов оружейным заводам. Это предложение военные мотивировали тем, что, по их определению, пистолет-пулемет был оружием малоэффективным, мог иметь крайне ограниченную область применения и вообще годился не для армии, а скорее «для американских гангстеров при ограблении банков».

Конечно, в то время еще никто не знал, что именно автомат пистолет-пулемет станет в годы второй мировой войны не только самым эффективным, но и самым массовым стрелковым оружием, оттеснив на второй план винтовку. Однако и тогда нельзя было столь опрометчиво отказываться от него, так как уже имелись совершенно определенные признаки того, что он способен сыграть важную роль в усилении мощи нашей армии и укреплении обороноспособности страны.

Этот автомат предназначен для стрельбы пистолетными патронами, которые слабее винтовочных, вследствие чего пистолет-пулемет имеет очень простую конструкцию и изготовление его обходится сравнительно дешево, что исключительно важно для массового оружия. Будучи значительно меньше и легче ручного пулемета и оставаясь индивидуальным оружием, он представляет собой мощное средство для усиления огня.

Завод, выпускавший пистолеты-пулеметы, с помощью И. А. Барсукова и его группы в короткий срок развернул производство, и ППД стали поступать на фронт, хотя и не в том количестве, которое требовалось. Позднее, выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) с докладом об итогах финской войны, К. Е. Ворошилов отметил, что наркомат вооружения хорошо помог быстрым развертыванием производства пистолетов-пулеметов.

Но тут я немного забежал вперед, так как рассказал еще не обо всех злоключениях с выпуском ППД.

Только успели наладить нормальное производство автоматов, как вновь возникли серьезные осложнения. Услышав от кого-то из военных, что круглые дисковые магазины пистолета-пулемета «Суоми» вмещают патронов в четыре раза больше, чем плоские коробчатые (их называли «рожками») ППД, и что поэтому из финского автомата можно дать очередь, которая во столько же раз длиннее, чем из нашего, И. В. Сталин счел это сопоставление вполне убедительным. Невзирая на то, что всякая переделка может вызвать перебои в поставке автоматов фронту, он дал указание все выпускаемые пистолеты-пулеметы комплектовать только дисками, точно такими же, как у «Суоми», по три на автомат. Мы попросили дать сутки для того, чтобы вместе с главным конструктором В. Дегтяревым и заводскими работниками продумать кратчайшие пути приспособления дисков «Суоми» к ППД и начать их серийный выпуск.

Подробно рассмотрев на заводе все имеющиеся возможности, я возвратился в Москву. Со мной приехал В. Дегтярев. Наш вывод состоял в том, что приспособить диск «Суоми» для ППД можно, но требуется его переконструировать, на что уйдет много времени. Конструкторам нужно было составить расчет допусков, подобрать высококачественный материал, изготовить и испытать образцы и т. д. И все это не считая главного — подготовки производства — штампов, приспособлений, инструмента, калибров. По расчетам, при самых ускоренных темпах на освоение выпуска дисков требовалось от одного до полутора месяцев. Вместе с тем мы подчеркнули, что диски имеют далеко не такие большие преимущества, как показалось военным, а во многом даже уступают рожкам. Хотя они вмещали 69 патронов, но ведь этот запас вряд ли требовался для одной или двух очередей. В то же время диски громоздки, тяжелы, сильно обременяют стрелка, особенно при продвижении с преодолением препятствий, в снегу и т. п. Перезаряжать их труднее, а более сложные, чем у рожков, механизм питания и путь продвижения патронов увеличивают вероятность того, что оружие откажет в нужный момент. Рожковые же магазины легки, портативны, их можно разместить в больших количествах в голяшицах са-

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1968, № 10.

пог, в карманах шинели, полушубков, брюк, за поясом. Они быстро сменяются и дешевы, так что при случае их можно выбрасывать, как обоймы. Кроме того, В. Дегтярев предлагал увеличить емкость рожков до 25—30 патронов — предельного количества, при котором можно рассчитывать на хорошую работу удлиненной пружины магазина. Причем выпуск таких новых магазинов мог быть освоен в течение 7—10 дней без нарушения темпов производства.

И. В. Сталин не согласился с нами и приказал комплектовать ППД только дисками, а до их изготовления считать выпускаемые автоматы неукomплектованными. Позднее, в разгар войны, при острой потребности в автоматах нельзя было не отгружать их на фронт, а дисков еще не было. В таких условиях руководство завода при молчаливом содействии военпреда решило продолжать отправку ППД, приняв на себя обязательство укомплектовать их дисками в течение месяца.

Весь коллектив предприятия работал с исключительной самоотверженностью. Люди сутками не уходили с завода. Но и при всем этом установленные для конструкторов, технологов, цехов оперативные сроки не выдерживались. В необычайной спешке допускалось много ошибок. Готовые автоматы неоднократно возвращались с отстрела на исправление. Были дни, когда на исправлении работало людей больше, чем на сборке. Практически в такой обстановке на изготовление автоматов уходило времени больше, чем потребовалось бы при правильно установленных сроках.

Перелом начался после того, как И. В. Сталин был ознакомлен с образцами из первой партии дисков для ППД. Он остался доволен ими. Особенно ему понравилось, что они вмещали 71 патрон, то есть на два патрона больше, чем диски «Суоми». Потом И. В. Сталин принялся подробно расспрашивать о работе завода. Производство ППД постепенно начало входить в нормальное русло, о чем я и доложил И. В. Сталину, когда он вновь вызвал меня неделю спустя. В связи с этим я получил от него новое задание: выехать на фронт и посмотреть в одной из действующих армий, как осваиваются ППД. Я выехал поездом в Ленинград, а оттуда на машине добрался до штаба армии, которой командовал очень образованный и хорошо знающий оружие генерал Грендаль. Он и член Военного совета генерал Запороженец оказали мне существенную помощь, благодаря которой поручение было выполнено довольно обстоятельно.

На фронте мне показали финский автомат, владельцем которого был убит, почти не успев выстрелить. Вскрыв крышку диска, я обнаружил отказ на третьем патроне. Солдату, видимо, не удалось быстро устранить задержку, так как характер ее требовал снять для этого диск. Такие и различные другие случаи отказа обнаружились и в нескольких последующих трофейных автоматах, взятых красноармейцами у солдат противника. Убитых как раз в тот момент, когда их оружие не действовало. Пистолет-пулемет «Суоми», как оказалось, таил в себе и другую большую опасность: он сам по себе мог начать автоматическую стрельбу, так как при сильном встряхивании или при ударе некоторые задержки самоустраивались. Наши диски не имели таких недостатков.

События той поры сделали очевидным, что пистолет-пулемет — такое оружие, которое в дальнейшем в случае войны потребуются в больших количествах, чем любое другое. Отсюда возникала задача сделать его еще более дешевым, простым и портативным. Конструкция ППД была разработана еще в те годы, когда холодная и горячая обработка металла давлением находилась на низком уровне, кузнечные и прессовые цехи подавали в механообрабатывающие цехи заготовки с большими припусками. Геометрия деталей стрелкового оружия была сложной, и каждую из них, независимо от ее назначения и условий работы, конструкторы считали обязательным подвергнуть тщательной механической и отделочной обработке. Допуски принимались наиболее жесткие, особенно для деталей механизмов автоматики. Все это, вместе взятое, требовало затраты многих станко-часов на изготовление оружия и, в частности, пистолета-пулемета Дегтярева. Вместе с тем в последние предвоенные годы был достигнут значительный прогресс в технологии современного машиностроения, особенно в части точности и чистоты обработки при помощи горячей штамповки, литья, холодного прессования и других видов заготовительных операций. Прогрессивные методы широко внедрялись и в промышленности вооружения, а следовательно, нужно было создавать современные конструкции оружия, соответствовавшие новой технологии производства. Что касается новой конструкции пистолета-пулемета, то создание ее наркомат вооружения поручил тому же заводу, где выпускались ППД. Речь шла о том, чтобы детали для этого оружия почти не требовали механической обработки. В целом новый вариант должен был стать настолько простым, чтобы при необходимости его производство могли быстро освоить на любом машиностроительном заводе.

В очень короткий срок конструктор Шпагин представил макет новой конструкции, на изготовление которой требовалась минимальная затрата станко-часов. Только ствол, особенно его канал, подвергался тщательной обработке, остальные же металлические детали нуждались лишь в холодной штамповке из листа, а деревянные имели очень простую конфигурацию. Пожалуй, одним из самых сложных и дорогих в этой конструкции был вышеупомянутый дисковый магазин, взятый без всякого изменения от ППД. Даже В. Дегтярев, который в течение своей долголетней практики создавал конструкции, основанные на иных принципах, одобрительно отнесся к проекту Шпагина.

Так в самый канун Великой Отечественной войны был создан знаменитый ППШ — пулемет-пистолет Шпагина, ставший мощным оружием воинов Красной Армии. Исключительная простота конструкции позволила с первых же месяцев войны легко освоить производство этого замечательного автомата на многих, в том числе и неспециализированных заводах.

Последний эпизод из истории создания этого оружия относится к 1942 году.

Для заводов, осваивавших выпуск ППШ, самым трудным оказалось производство дисковых магазинов. Оно начало заметно отставать. Однажды меня, как руководителя промышленности боеприпасов, пригласили на совещание наркомов машиностроительных отраслей, заводы которых изготавливали ППШ, и попросили высказать свое мнение о целесообразности использования коробчатых магазинов. Я сказал, что это один из лучших выходов из положения на то время, пока заводы освоят и полностью наладят производство дисков. Тогда ко мне обратились с просьбой написать об этом И. В. Сталину. Я высказал сомнение в том, что он одобрит вмешательство наркома боеприпасов в данную область. Но мне ответили, что И. В. Сталин отклонил уже ряд подобных представлений, а это письмо может оказаться более действенным, так как он внимательно прислушивался к моему мнению. Такую записку я написал. Это было вечером, а ночью мне по телефону сообщили, что И. В. Сталин согласился с моим предложением. После этого ППШ стали комплектовать и коробчатыми магазинами, что позволило уже тогда намного усилить поставки мощного оружия фронту, тщательно освоить производство пулеметов-пистолетов на многих заводах и полностью обеспечивать ими армию в течение всего героического периода войны. К этому нужно добавить, что ППШ, как и противотанковые ружья, конструировались таким образом, чтобы в случае необходимости могли развернуть их изготовление в больших количествах не только оружейные, но и машиностроительные заводы. Нужно же последним для этого дополнительное оборудование, в частности специальные станки для обработки каналов стволов, изготовлялось на заводах наркомата вооружения в таком количестве, что позволяло создать достаточный для данных нужд мобилизационный запас.

Резервы специального оборудования, а также ствольной заготовки с первых же дней войны начали поступать на некоторые заводы машиностроения, которые и смогли благодаря этому быстро развернуть производство оружия для фронта.

В. Дегтярев, пользовавшийся большой популярностью и уважением, был талантливым конструктором, хорошо осведомленным о новинках мировой техники и тонко разбиравшимся в военном деле. Тем не менее и ему, крупному знатоку вооружения, потребовались долгие годы, чтобы создать ручной пулемет под штатный патрон, совершенно не подходящий по весу, габариту и конструкции для легкого стрелкового автоматического оружия. Первый его образец весил без магазина 8,5 кг и по этой причине был подвергнут доработке. В конце 1927 г. Дегтярев представил на испытание свой последний вариант. На этот раз ДП стал легче (7,77 кг). После исправления незначительных недостатков он был принят на вооружение РККА взамен ТМ, производство которых вскоре было прекращено. Малый вес ДП выдвигал его в разряд легких. Из всех иностранных образцов только ручной пулемет Гочкиса весил чуть-чуть меньше — 7,72 кг (без магазина). Даже чехословацкая система образца 1926 г. была несколько тяжелее (7,78 кг), а все другие весили по 8 кг и более. Такого результата В. Дегтярев добился оригинальной конструкцией и сокращением до минимума размеров коробки, в которой очень компактно разместил удачно выполненные им по-новому основные детали автоматики — затвор, затворную раму и другие.

ДП имел и много других хороших качеств. К ним следует прежде всего отнести исключительную простоту конструкции по сравнению с другими образцами стрелкового оружия того времени. Так, его можно было полностью разобрать всего лишь в три приема, что очень важно для эксплуатации. Несмотря на малый вес самого ручного пулемета при сравнительно крупнокалиберном патроне (7,62 мм), ДП обладал хорошей меткостью, прицельной дальностью до 1,5 км и предельной — до 3 км. Впоследствии пехотный образец был приспособлен для танков (ДТ) и для авиации (ДА).

Армия хорошо приняла ДП и давала ему неизменно высокую оценку. Хорошие отзывы появились и в зарубежной прессе. В частности, в США писали, что ДП — лучший образец ручного пулемета. Однако его дисковый магазин (без помещавшихся в нем 47 патронов) весил 1,6 кг, то есть больше, чем у всех иностранных образцов, и был менее удобным в эксплуатации. Вследствие этого ДП вместе с магазином переходил из разряда легких в средние. Иначе говоря, все достигнутое в отношении веса самого ручного пулемета было потеряно за счет чрезмерной тяжести магазина. Поскольку же последняя объяснялась конструкцией патрона 7,62 мм образца 1908 г., то даже В. Дегтяреву не удалось преодолеть данное препятствие.

В дальнейшем несколько раз поднимался вопрос о замене дискового магазина ДП звеньевой системой питания, получавшей все более широкое применение в новых конструкциях, но практически он не был решен. Тем временем производство ДП, который даже при завышенном весе магазина являлся очень хорошим оружием, было организовано из расчета большого выпуска, предусмотренного в мобилизационных планах.

Наступил 1939 год. После нападения японских захватчиков на Монгольскую Народную Республику в районе Халхин-Гола и их разгрома монгольскими и советскими войсками в Москву была доставлена трофейная военная техника. Среди образцов

японского вооружения было немало таких, которым место в музее древностей, но встречались и заслуживающие внимания.

Через несколько дней И. В. Сталин спросил по телефону, видел ли я японский ручной пулемет и какое у меня сложилось мнение. Поскольку, таким образом, потребовалась всесторонняя оценка, а для этого нужно было более подробно изучить конструкцию, я ответил, что ознакомился с ней, но недостаточно.

— Напрасно,— сказал он. И добавил: — Поинтересуйтесь подробнее.

Это замечание, как я понял, было основано на отзывах военных. А так как мне уже было известно, что они считали основным преимуществом японского образца системы питания, то именно ей и пришлось уделить главное внимание при новом, более тщательном ознакомлении. И это оказалось исключительно полезным, так как позволило в дальнейшем предотвратить принятие ошибочного решения.

Система питания японского ручного пулемета была оригинальной и представляла собой постоянный магазин. Патроны находились в коробке под постоянным давлением крышки — пружинного пресса. Заряжающий, вкладывая их, придерживал крышку рукой. Это было опасно, если он не имел большого опыта и заряжал не в спокойной обстановке, а в условиях боя, когда приходится лежать подчас в неудобном положении. Дело в том, что при малейшей оплошности крышка под воздействием сильной пружины могла сорваться и отрубить пальцы.

Мы, работники наркомата вооружения, высказались против предложения о замене ДП японским образцом по следующим соображениям: принятие японского образца, как он есть, то есть под патрон калибром 6,5 мм, было бы нелогично не только потому, что от этого отказались еще в 1923 г., но и в силу тех же причин, по которым уже в 1938 г. была взята на вооружение самозарядная винтовка 7,62 мм и решено не вводить новые патроны; проектирование же нового ручного пулемета под штатный патрон, но с питанием, как у японского, потребовало бы значительного времени и, вероятнее всего, привело бы к значительному увеличению веса всей системы. Кроме того, мы охарактеризовали магазин японского образца как небезопасный в боевой обстановке. В ответ на это начальник ГАУ, желая продемонстрировать действие японского магазина, лег на пол и очень осторожно открыл и закрыл крышку. Это ни о чем не говорило. Поэтому с разрешения руководившего совещанием К. Е. Ворошилова я лег на пол, открыл крышку и, положив на ребро стенки магазина толстый шестигранный цветной карандаш, отпустил крышку. Крышка с большой силой захлопнулась и разрубила карандаш.

— Так будет,— сказал я,— с пальцем пулеметчика при неосторожности или если он будет находиться в неудобном положении при зарядке.

Разрубленный карандаш произвел большое впечатление на всех, кто наблюдал за моими действиями у пулемета. Сидевший в первом ряду маршал С. М. Буденный заметил:

— С таким пулеметом пускай воюют те, кому он по душе, а я с таким пулеметом воевать не пошел бы.

Совещание не поддержало предложение о замене ДП японским образцом или проектировании нового ручного пулемета с питанием по японской схеме. Благодаря этому мы смогли уже в следующем, 1940 году удвоить основные производственные мощности, предназначавшиеся для выпуска ручных пулеметов, и полностью обеспечить ими нашу армию в годы Великой Отечественной войны.

Надо полагать, что мы сделали бы опасную ошибку, если бы всего лишь за два года до войны отказались от ДП и приступили к конструированию другого ручного пулемета, да еще под новый патрон. Именно так получилось со станковыми пулеметами «Максим», производство которых было прекращено в 1940 году.

В 1932—1933 гг. нашей промышленности вооружения пришлось проделывать большую работу по улучшению качества изготавливаемых станковых пулеметов. Это было вызвано так называемой потерей технологии. Процесс изготовления пулеметов «Максим» был одним из самых трудоемких в оружейном производстве. Сложная конструкция при существовавшем в то время уровне техники требовала пооперационной обработки деталей почти по каждому отдельному размеру. Для обеспечения правильного функционирования пулеметной автоматики нужна была исключительная точность чертежей, тщательный расчет допусков, хорошее оснащение режущим и мерительным инструментом. Отступление от установленной технологии в упомянутый выше период привело к тяжелым последствиям. У изготавливавшихся пулеметов «Максим» увеличились случаи отказов в работе автоматики и поломок деталей. Качество настолько ухудшилось, что выпуск готовой продукции почти прекратился. В конечном счете положение было исправлено. Правда, для этого потребовались большие средства и довольно длительное время, но зато в последующие годы не было претензий ни к материальной части пулемета «Максим», ни к станку конструкции Соколова. Военные были ими довольны и вопроса о замене их новыми, более современными конструкциями не ставили. Целесообразность дальнейшего производства станкового пулемета «Максим» не была поставлена под сомнение и в связи с принятием на вооружение ручного пулемета и пистолета-пулемета. Поэтому неожиданным было внесенное военными и обсуждавшееся в 1939—1940 гг., в период максимального развертывания производства оружия, предложение сократить заказ на пулеметы «Максим». При этом ссылались на их несоответствие новым армейским требованиям и указывали на давно

известные недостатки — большой вес материальной части пулемета и станка, неудобства водяного охлаждения, нестабильность холщовой ленты и проч. Как показали последующие события, такая постановка вопроса была ошибочной.

Неправы были не только военные, но и наркомат вооружения и я как нарком. Мы не только не выступили против вышеупомянутого предложения, но и согласились с тем, что, мол, достаточно иметь ручные пулеметы того же калибра (7,62 мм). Таким образом, в 1940 г. выпуск станковых пулеметов «Максим» практически был прекращен, а созданные для их производства мощности переведены главным образом на изготовление запасных частей и проведение заводского ремонта.

Не прошло и года, как ошибка стала очевидной. С первых же дней Великой Отечественной войны станковые пулеметы стали нужны в больших количествах как важное и необходимое для армии оружие. Однако сложившаяся к тому времени обстановка потребовала эвакуировать на восток в числе других и завод, ранее изготовлявший станковые пулеметы. Поэтому требование о возобновлении их выпуска поставило вооруженцев в затруднительное положение. Но благодаря энергии и опыту вновь назначенного тогда наркома вооружения Д. Ф. Устинова, лично руководившего восстановлением производства станковых пулеметов, эта задача была выполнена. Необходимое оборудование и полуфабрикаты пришлось перебросить на другой завод в глубокое тылу. Туда же специальным поездом выехали рабочие и инженеры — специалисты пулеметного производства.

Словом, восстановление выпуска станковых пулеметов в условиях начавшейся тяжелой войны дало блестящее подтверждение огромной мощи советской военной экономики, развивавшейся тогда на основе ранее созданных предпосылок. Оно явилось также ярким примером самоотверженного труда советских рабочих и специалистов, больших творческих и организаторских способностей руководящих кадров промышленности вооружения.

Только благодаря этому удалось, да и то с некоторым опозданием, исправить серьезную ошибку, допущенную перед войной в результате принятия скоропалительного, недостаточно обдуманного решения.

В период между гражданской и Великой Отечественной войнами все внимание советских вооруженцев было сосредоточено на усилении мощности вооружения. Задача состояла в том, чтобы создать новые образцы оружия, разработанные на основе достижений науки и техники и отвечающие современным тактико-техническим требованиям.

Особенность конструирования нового типа вооружения определялась новыми условиями боя. Главное в этом отношении то, что с появлением в военном деле мотора соприкосновение с противником должно было происходить при больших скоростях движения. Поэтому преимущества, как правило, создавались на той стороне, которая за короткий промежуток времени боя могла дать большее число выстрелов и с большей меткостью. При высоких же скоростях движения вероятность попадания увеличилась при меньших линейных расстояниях между выстрелами, а это зависело от скорострельности вооружения; важное значение имела и скорость полета снаряда или пули. Эти условия наряду с маневренностью являлись необходимыми, но не вполне достаточными для получения преимущества. Замена лошади в качестве тяги мотором и непрерывное совершенствование его для наземной и авиационной военной техники дали возможность значительно увеличить защиту, главным образом броневую. Вследствие этого возникла также необходимость и в усилении разрушительной силы вооружения, что также зависело от качества и начальной скорости вылета снаряда.

Совокупность перечисленных тактических и технических показателей — скорострельность, меткость, разрушительная сила и маневренность — определила качества требуемого нового вооружения. Чтобы обеспечить их, нужны были коренные изменения в конструкции, иные подходы в расчетах на прочность и повышение качества конструктивных материалов, в особенности металла. Для создания и производства новой боевой техники необходимо было перестроить промышленность качественно, то есть в отношении технологических процессов, и расширить производственные мощности. Старые технологические принципы и организация производства не могли обеспечить реализацию новых тактико-технических требований и, кроме того, несомненно, увеличили бы потребность в рабочей силе и стоимость изготовления нового вооружения. Требовалось также создать резервы мощностей на случай войны, чтобы с первых же ее дней обеспечить развертывание производственного аппарата для увеличенного снабжения армии боевой техникой. Партия поставила перед коллективом вооруженцев сложные и ответственные задачи, от выполнения которых зависело развитие боевой техники всех родов войск. Кстати, замечу, что в предвоенные годы многие вооруженцы считали свою продукцию главной, исходной для любой военной техники, а все остальное — разновидностями транспорта для вооружения. С этим не соглашались работники других отраслей оборонной промышленности, причем такого рода «разногласия» носили не только теоретический характер, но сказывались и при разработке тактико-технических требований, когда возникали споры о том, «что чему подчиняется», в стремлении получить преимущества в материально-техническом снабжении и т. п.

Мы, вооруженцы, разумеется, сделали своим девизом слова: «Артиллерия — бог войны». Но И. В. Сталин однажды уточнил значение вооружения, напомнив нам о

роли боеприпасов, которые производились на заводах другого наркомата. Разговор происходил в 1939 г. в неслужебной обстановке и начался с того, что генерал артиллерии Савченко в шутку назвал меня «нашим Круппом», добавив: «Все зависит от него. Все другие наркоматы оборонной промышленности работают на него, чтобы расширить рамки использования вооружения». И. В. Сталин, улыбнувшись, заметил: «Это будет неточно, если рассматривать вооружение не только с точки зрения наркомата вооружения, так как и оно выполняет подчиненную роль, то есть для того, чтобы доставить боеприпасы (средства разрушения) до цели и разрушить ее». Присутствовавший при этом генерал авиации Локтионов добавил, что, следовательно, и авиация является не только транспортом для вооружения, ибо, например, бомбардировщики сами доставляют авиабомбы к цели. «Значит, все сводится к разрушению цели,—сказал И. В. Сталин,—а это остается за боеприпасами. Сила взрыва боеприпасов определяет мощь всех родов войск, в том числе и авиации, и служит мерилом военно-экономической целесообразности затрат на ту или иную боевую технику. Неразумно строить дорогой бомбардировщик на большой радиус действия, если заряд авиационной бомбы будет недостаточно мощным».

Этот разговор, закончившийся выводом, что существование наркоматов вооружения и боеприпасов — чисто формальное разделение для облегчения управления заводами, я вспомнил много лет спустя, когда стало аксиомой, что только атомные и водородные заряды оправдывают чрезвычайно дорогую ракетную технику дальнего действия. Это подтверждает, что боеприпасы и ныне остаются мерилом военно-экономической целесообразности боевого оружия.

Итак, создание новых образцов боевой техники в предвоенный период представляло собой сложную задачу, выполнение которой требовало большого времени и труда. Армия же не могла оставаться с вооружением прежнего уровня в ожидании, пока промышленность в полной мере обеспечит ее современным. Поэтому наряду с созданием новых образцов актуальной стала модернизация штатного вооружения, находившегося в армии. Эта работа была развернута широким фронтом. Модернизации подверглись все основные виды вооружения, начиная от винтовки и кончая средней и тяжелой артиллерией. Тем временем конструкторские организации совместно с научно-исследовательскими институтами вели работу по созданию и артиллерийских систем различных калибров для всех родов войск.

В этот же период проводились в больших масштабах работы по укреплению и расширению производственной и технической базы промышленности вооружения. Реконструировались и расширялись старые заводы, строились новые. Разрабатывались новые технологические процессы и формы организации производства. Изыскивались высокопрочные конструктивные материалы и экономические заменители металла. Создавалась широкая сеть заводских и самостоятельных конструкторских организаций, специальные научно-исследовательские центры. Под руководством известных специалистов готовились молодые кадры вооруженцев, из которых выросла плеяда талантливых конструкторов и ученых, чьи труды впоследствии внесли немалый вклад в обеспечение нашей армии к началу Великой Отечественной войны вооружением, в большей части превосходившим конструктивно и по качеству вооружение войск западных государств. Поэтому далеко не случайно именно вооруженцы были первыми Героями Социалистического Труда.

Коммунистическая партия, следуя указаниям В. И. Ленина, уделяла большое внимание вопросу создания и воспитания надежных и квалифицированных кадров. Исторический лозунг партии «Техника в период реконструкции решает все» мобилизовал весь советский народ на проведение коренного технического перевооружения. Советская промышленность, и в первую очередь военная, обогатилась значительной по объему и первоклассной по качеству техникой. Это был период, когда в нашей стране создавались все виды новых отраслей машиностроения. Советский Союз, развивая свою новую разностороннюю технику, ликвидировал техническую зависимость от капиталистических государств.

Советская промышленность уже была способна производить высококачественное сырье и материалы для создания собственной новой техники, в том числе и современного вооружения для Красной Армии и Военно-Морского Флота. Темпы оснащения промышленности новым оборудованием опережали подготовку квалифицированных кадров. Недостаток в них снижал эффективность развития техники. Тогда партия выдвинула лозунг «Кадры решают все», который стал логическим дополнением лозунга «Техника в период реконструкции решает все». Директивы партии по кадрам в наибольшей степени относились к оборонной промышленности, которая особенно быстро обогащалась первоклассным оборудованием, нужным для создания военной техники, не уступающей лучшей зарубежной. Вскоре решением партии и правительства все артиллерийские и оружейно-пулеметные заводы были выделены в особую группу предприятий, получивших ряд льгот, которые обеспечивали заинтересованность рабочих и служащих и способствовали сокращению текучести кадров.

Принятию этого решения предшествовало совещание у И. В. Сталина с участием директоров и секретарей партийных организаций этих заводов. Обсуждались вопросы об усилении заботы и внимания к кадрам с целью их закрепления на предприятиях, причем эта задача была признана главной в деятельности директоров и секретарей парторганизаций заводов.

Наряду с мерами по закреплению и отбору кадров партия также большое внимание уделяла подготовке квалифицированных рабочих через заводскую учебную сеть — индивидуальное ученичество, ФЗУ и различные курсы. В целях дальнейшего улучшения и расширения такой подготовки был выдвинут проект создания системы государственных трудовых резервов с передачей ей ФЗУ, ранее находившихся в ведении наркоматов.

Помню, мы, наркомы, не очень обрадовались такому решению вопроса. Многим из нас казалось, что оно лишит нас известных преимуществ. Мне тем более не хотелось передать ФЗУ, поскольку они имелись на всех артиллерийских и пулеметно-оружейных заводах, были хорошо оснащены и входили в число лучших в стране. Поэтому при обсуждении этого проекта в ЦК я, как и ряд других наркомов, выступил с возражениями. Хотя мы в основном стремились доказать нецелесообразность передачи ФЗУ во вновь организуемое ведомство, так как оно не имело материальной базы и опыта, однако руководило нами главным образом нежелание лишиться права использовать и распределять по своему усмотрению оканчивающих ФЗУ. В частности, я в своем выступлении особо подчеркнул, что изъятие ФЗУ из системы наркомата вооружения ослабит подготовку рабочих кадров для военных заводов, так как она проходит в специальных условиях.

Выслушав все возражения, И. В. Сталин обоснованно отверг их. Мобилизационная готовность кадров, говорил он, нужна не только для военных заводов, а и для всей промышленности: в военное время вся промышленность будет военной, и она должна быть к этому подготовлена. Оборонные же наркоматы, продолжал он, должны отвечать за мобилизационную готовность и невоенных заводов. Далее он разъяснил, что и с созданием трудовых резервов оборонные наркоматы и заводы будут нести ответственность за работу ФЗУ, ранее находившихся в их системе, оказывать им помощь оборудованием, инструментом, материалами, инструкторскими кадрами и всем необходимым. Жизнь, как известно, полностью подтвердила правильность создания общегосударственной системы подготовки трудовых резервов, сыгравшей важную роль в дальнейшем развитии промышленности, в том числе и оборонной.

Говоря о помощи партии в деле расширения и укрепления кадров промышленности, не могу не вспомнить об огромной роли, которую сыграло вовлечение женщин в производство. Решающее значение в этом имели намеченные партией меры по созданию необходимых технико-производственных и других условий для применения женского труда. Теперь, пожалуй, многие не знают, что в то время большинство профессий на заводах назывались «мужскими», так как нередко требовали значительных физических усилий. Вот почему прежде всего нужно было провести в широких масштабах так называемую малую механизацию, требовавшую сравнительно немного времени и небольших затрат. Много средств ушло на строительство детских садов и яслей, столовых и других учреждений, освобождавших женщин от многих домашних дел. Но это полностью себя оправдывало. По указанию ЦК местные партийные организации взяли под свой контроль это важное государственное дело и одновременно развернули большую агитационно-массовую работу по вовлечению женщин в производство. Она увенчалась значительным успехом. К началу 1940 г. женщины составили 41% всех рабочих и служащих в промышленности. Они быстро осваивали производство на самых ответственных и сложных участках, а на многих операциях действовали даже более ловко, чем мужчины, особенно там, где выполнялась тонкая и точная работа.

Что касается высококвалифицированных кадров оборонной промышленности, то только благодаря тому, что они были созданы в довоенное время, стало возможным в небывало короткие сроки, в течение нескольких месяцев, не только восстановить эвакуированные заводы, но и значительно увеличить выпуск продукции. Без таких опытных, отлично знающих дело людей мы не смогли бы это сделать даже и в том случае, если бы у нас было больше оборудования. В этом состоит одна из величайших заслуг нашей партии. Неустанно создавая и воспитывая кадры, она тем самым обеспечила предпосылки для наращивания огромной оборонной мощи нашего государства, для сокрушительного разгрома сильного врага.

Крупная и комплексная промышленность вооружения, детище индустриализации СССР, к началу Великой Отечественной войны имела большую и прочную материально-техническую базу. Несмотря на трудности и множество неполадок, она была хорошо подготовлена к предстоящей войне. Чтобы увидеть это, нужно обратиться к фактам, касающимся предвоенного состояния всей нашей индустрии, и в частности оборонной. Это тем более важно, что нередко пытаются объяснить неудачи на первых этапах войны неподготовленностью советской экономики, в том числе промышленности.

В войне с гитлеровской Германией и с ее союзниками Советский Союз одержал не только военную, но и экономическую победу, продемонстрировал огромное превосходство социалистического строя над капиталистическим, социалистической экономики над капиталистической. Такой исход войны был бы невозможен без наличия у нас современной и хорошо развитой промышленности. Отрицать это — значит верить в то, что исторические победы Красной Армии над фашистскими армиями были «чудом», между тем как на самом деле они явились закономерным результатом развития нашего государства и его мощи.

К моменту нападения на Советский Союз фашистская Германия значительно увеличила свою военно-экономическую мощь, накопленную за счет американских кредитов и захвата ресурсов и промышленности европейских государств. Таким образом, советской экономике пришлось вступить, по существу, в единоборство с гигантской военной машиной, считавшейся тогда самой могущественной. Тут-то и начали действовать основные, решающие факторы, обусловленные характером нашего социалистического строя и обеспечившие в конечном счете превосходство сил Советского Союза и всемирно-историческую победу над фашизмом. Одним из главных факторов являлась неодолимая прочность тыла Красной Армии, сочетавшего высокую политическую сознательность, беззаветный патриотизм и трудовой энтузиазм всех народов Советского Союза, готовых на любые жертвы и лишения ради защиты социалистической Родины, с развитой экономикой, мощной первоклассной промышленностью.

В июне 1941 г., последнем предвоенном месяце, выпуск валовой продукции промышленности СССР составлял в ценах того времени 12 млрд. рублей. Вследствие первых неудач на фронте и временной потери значительных и важных экономических районов промышленные мощности страны сократились примерно на 38%. Кроме того, часть предприятий в связи с переходом на новую военную продукцию несколько уменьшила в первые месяцы объем производства. По этим причинам в ноябре 1941 г. выпуск валовой продукции всей промышленности Советского Союза снизился до 5,6 млрд. руб., или до 47% по сравнению с июнем того же года. Довоенного уровня (точнее — 11,8 млрд. руб.) он достиг только три года спустя, в октябре 1944 г., то есть на заключительном этапе войны. При этом следует учесть, что коэффициент использования оборудования и коэффициент сменности во время войны были намного выше, чем в июне 1941 года. Кроме того, валовая продукция 1944 г., оценивавшаяся в 11,8 млрд. руб., по структуре отличалась от довоенной, стоившей 12 млрд. руб., да и цены были разные: рубль валовой продукции в 1944 г. отражал меньшую трудоемкость и более дорогое сырье, чем в июне 1941 года. Все это означает, что даже в последний период войны наша страна использовала меньшие промышленные мощности, чем накануне нападения гитлеровской Германии.

Мне довелось слышать суждения, согласно которым оборонная промышленность в отличие от советской экономики в целом оказалась будто бы не подготовленной к войне. Более того, первые неудачи на фронте пытались объяснить якобы существовавшей к моменту начала военных действий нехваткой вооружения и другой боевой техники. Нижеследующее показывает, насколько ошибочно такое предположение. Да, именно предположение, ибо трудно назвать иначе оценки подобного характера, которые даются чаще всего без анализа фактических данных. Для большей убедительности ссылаются на свидетельства очевидцев относительно отдельных фактов, преувеличивая их значение и делая на этой шаткой основе явно несостоятельные выводы и обобщения.

Недостаточным уровнем производства вооружения некоторые пробуют объяснить тот факт, что в первые месяцы войны в армии не хватало винтовок и что ими лишь на 30% обеспечивались вновь формируемые дивизии, а в тылу призванных обучали с помощью деревянных макетов личного оружия. К сожалению, действительно было много таких случаев в прифронтовых районах и в глубоком тылу. Но объяснялись они далеко не теми причинами, о которых говорят многие из ссылающихся на эти факты. Что касается винтовок, то промышленность обеспечила ими армию в достаточном количестве. Об этом говорит тот факт, что к началу войны армия имела около 8 млн. винтовок. Кстати, до сих пор вопрос о том, как они были использованы, остается совершенно не освещенным. То же самое нужно сказать в целом относительно исключительно важного вопроса о том, где были размещены крупные запасы военного имущества, в том числе и боевой техники, какова была их судьба. Между тем именно такой анализ может дать ответ на вопрос о причинах нехватки вооружения в целом ряде случаев.

Вышеприведенное суждение о неподготовленности оборонной индустрии неверно еще и потому, что при этом она противопоставляется промышленности в целом. Но ведь, во-первых, военный потенциал страны отражает вся промышленность, которая во время войны в большей своей части переключается на изготовление оборонной продукции. А во-вторых, в предвоенный период выпуск военной продукции из года в год не только увеличивался, но и намного опережал рост производства мирной продукции.

В последние три года третьей пятилетки при среднегодовом приросте валовой продукции всей промышленности на 13% в оборонной индустрии он достигал 39%. Перед началом войны, в июне 1941 г., доля наркоматов оборонной промышленности составляла 22% валовой продукции всей промышленности. Такой рост военного производства был достигнут при колоссальном напряжении народного хозяйства, на которое сознательно пошла партия и весь советский народ во имя укрепления обороноспособности страны. Ко всему этому следует добавить, что оборонная промышленность уже тогда имела значительные резервы увеличения выпуска продукции, которые не могли быть развернуты в условиях мирного времени, так как это потребовало бы дополнительной рабочей силы и ресурсов за счет других, невоенных отраслей. Но как только началась война, такое переключение ресурсов начало немедленно осуществ-

ваться, и уже через месяц, в июле 1941 г., доля валовой продукции оборонной промышленности выросла еще на 30%, а в августе — на 40% по сравнению с июнем. Никаких существенных изменений в количестве заводов у наркоматов оборонной промышленности за это время не произошло. Не были да и не могли быть введены также какие-либо значительные производственные мощности. Следовательно, рост валовой продукции происходил только за счет перевода оборонных заводов на режим военного времени. Это означало увеличение коэффициента использования оборудования, переход на полную трехсменную работу и непрерывную неделю, увеличение числа рабочих и т. д. Таким образом, можно считать доказанным, что фактическая производственная мощность заводов оборонной промышленности к началу войны определялась выпуском валовой продукции в июле — августе 1941 г., то есть была значительно выше той, которую отражали данные об объеме производства в предвоенный период. Это обстоятельство имеет очень важное значение для оценки огромной работы по созданию мощной современной военной индустрии, которая была проведена под руководством партии в предвоенные годы.

В первую осень войны произошло, однако, снижение выпуска военной продукции, связанное с эвакуацией заводов на восток и другими причинами. Оно началось в октябре и достигло минимального уровня в следующем месяце. Но уже в декабре 1941 г. наметился постепенный подъем, который усилился в 1942 г., когда закончилось в основном перебазирующие заводов и освоение их на новом месте. Тогда же была завершена перестройка оборонной промышленности. В ее состав было передано много предприятий из других отраслей. В дополнение к своим мощностям они приняли и оборудование заводов, эвакуированных из западных районов страны. Наконец, на базе значительного числа предприятий, главным образом сельскохозяйственного, текстильного машиностроения и других с аналогичным производственным профилем, был создан новый наркомат — минометно-минного вооружения. В таком новом составе оборонная промышленность в июне 1942 г. по выпуску валовой продукции достигла уровня августа 1941 года. В дальнейшем рост продолжался ежемесячно, и в целом за 1942 г. доля военного производства увеличилась до 40% всей валовой продукции промышленности страны. Если учесть, что в 1943 г. она составила 42%, а в 1944 г. — 41%, то есть возросла за эти годы совсем не немного, то станет ясно, что фактически уже в 1942 г. оборонная промышленность достигла полного использования всех своих возможностей по изготовлению продукции для фронта.

Наиболее подготовленной к началу войны была промышленность вооружения, занятая производством артиллерийского и стрелкового оружия. Артиллерийские и оружейно-пулеметные заводы были уже крупными современными предприятиями, хорошо оснащенными оборудованием и укомплектованными опытными, устоявшимися кадрами. Тот факт, что они оказались наиболее подготовленными к мобилизационному развертыванию производства, подтверждается данными о росте валовой продукции. Если по всей оборонной промышленности ее производство в 1942 г. увеличилось по сравнению с 1941 г. примерно на 27—29%, то по наркомату вооружения — на 32%. Это означает, что уже тогда, в начале войны, промышленность вооружения вышла на уровень, обеспечивавший полное удовлетворение потребности фронта и других отраслей оборонной промышленности, для которых она являлась одновременно комплекующим поставщиком вооружения, а также поковок, литья и специальных металлов. Об этом же свидетельствует и другое небезынтересное обстоятельство, а именно: уровень производства на оружейных и оружейно-пулеметных заводах оказался уже в 1942 г. настолько высоким, что в отличие от других отраслей оборонной промышленности не потребовал значительного увеличения в дальнейшем. Это видно из следующих данных:

Рост выпуска валовой продукции
(% к предшествующему году)

Год	По всей промышленности	По оборонной промышленности	В том числе по промышленности вооружения
1942	13	27—29	32
1943	17	20	10
1944	13	10	2

Рост валовой продукции наркомата вооружения в 1943 г. по сравнению с 1942 г. всего лишь на 10% свидетельствует, что в этот период не производилось крупных работ по увеличению мощностей и, следовательно, не потребовалось больших капиталовложений. Последнее характерно не только для 1943-го, но и для 1942 г., когда промышленность вооружения дала наибольшее увеличение выпуска продукции — на 32% — не за счет нового строительства, а в результате мобилизационного развертывания производства.

Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что в 1944 г. оружейные и оружейно-пулеметные заводы дали еще меньший, чем в 1943 г., прирост продукции — 2%. Такое незначительное увеличение, которое меньше, чем даже так называемый естественный прирост, убедительно свидетельствует о том, что уже в предшествующем, 1943 г., то есть после двух лет войны, промышленность вооружения обладала избыточными потенциальными производственными мощностями. Вышеприведенные цифры делают более чем очевидной необоснованность рассуждений о том, что оборонная промышленность и тем более промышленность вооружения якобы не были подготовлены к войне. Ни одно государство, какой бы сильной экономикой оно ни обладало, не выдержит, если оборонная промышленность еще в мирный период перейдет на режим военного времени. Полностью потребности современной войны могут быть удовлетворены лишь непрерывным развертыванием в ходе военных действий производственного аппарата всей промышленности, всех отраслей народного хозяйства. Именно такова и была политика Коммунистической партии и Советского правительства в описываемые годы. Исходя из дальновидной оценки предвоенной ситуации, партия организовала создание таких потенциальных мощностей оборонной промышленности, которые в интересах всей экономики страны нецелесообразно использовать в мирное время, но зато можно быстро развернуть в случае войны. Более того, заблаговременно были созданы предпосылки для того, чтобы с первых же дней войны, как того требует военная экономика, привлечь к производству оборонной продукции все предприятия, которые до этого производили мирную продукцию. Вот почему в военное время оказалось возможным перевести предприятия почти всех отраслей промышленности на изготовление изделий, которые прямо или косвенно шли на нужды фронта и таким образом значительно дополняли продукцию, выпускаемую заводами наркоматов оборонной промышленности.

Партия и правительство в предвоенные годы усилили заботу о пополнении оборудования промышленности вооружения и за счет импорта. Более того, ЦК ВКП(б) в то предгрозовое время требовал увеличить заказы наркомату внешней торговли и ускорить их оформление, предупреждал о возможности такого ухудшения конъюнктуры, которое помешает закупкам за границей. Именно в тот период по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР наркомату вооружения было выделено примерно 200 млн. золотых руб. для дополнительного импорта специального станочного и другого оборудования. Не всем тогда была понятна необходимость и своевременность такой меры. Работники наркомата внешней торговли даже упрекали наркомат вооружения в том, что он «протащил» это решение. Последний же несвоевременно представлял документацию на заказы, вследствие чего их реализация задерживалась. Кроме того, иностранные фирмы требовали установить длительные сроки для изготовления станков. А обстановка становилась все более напряженной, и дорог был каждый день.

Когда И. В. Сталину доложили на одном из заседаний по вопросам обороны, что размещение импортных заказов задерживается, он предложил немедленно выяснить причины. С этой целью вызвали представителей наркомата внешней торговли. Они явились примерно через 20—30 минут. Согласно их объяснениям, задержка была вызвана трудностями размещения заказов, так как фирмы не соглашались принять предложенные наркоматом вооружения сроки. Попутно представители наркомата внешней торговли пожаловались на то, что заказаны очень дорогие станки, а один из них, например, по стоимости равен сумме пшеницы, которая может занять трюмы большого парохода.

Пример был очень яркий, и он привлек внимание. Помолчав, И. В. Сталин сказал: «Хлеб — это золото... Надо еще раз подумать».

Это замечание противоречило его же собственным прежним настойчивым указаниям, которые мы, вооруженцы, считали совершенно правильными и требующими немедленного выполнения. Поэтому в ходе обсуждения я заметил: «Если станки не будут своевременно заказаны, то в случае войны золото их не заменит».

На этом заседании вновь было подтверждено ранее принятое решение. Наркомат внешней торговли получил указание обеспечить закупку станков для заводов вооружения. И все же этот заказ на импортное оборудование содержал ошибки. Что касается специальных станков для производства крупных гребных валов, а также мощной морской и сухопутной артиллерии, то они попросту не понадобились во время войны. Это произошло отчасти из-за того, что военно-морское судостроение тогда было свернуто. Не требовалась и сухопутная сверхтяжелая артиллерия.

Военная ситуация оказалась совершенно противоположной той, которая намечалась, и предпочтение было отдано производству артиллерийских систем меньшего калибра. Так выявлялся очень крупный просчет, нанесший большой ущерб экономике страны.

С неприязнью отнеслись к заказу на специальные станки и на ряде артиллерийских заводов, что было обусловлено трудностями освоения этого оборудования. Сроки на его установку и использование были жесткими. Их подчас срывали, что влекло за собой неприятности для руководства заводов. Наконец, уже смонтировав и пустив в эксплуатацию импортное оборудование, подчас не оформляли соответствующей документации. Это также имело свою причину. Дело в том, что станки были дорогие, а это заметно увеличивало амортизационные начисления, которые производились на основе документации со дня пуска и соответственно отражались на себе-

стоимости продукции, являвшейся одним из основных критериев при оценке работы предприятий. Посыпались жалобы, связанные, по существу, как раз с этими трудностями. Время еще было мирное, и некоторые руководители предприятий, не учитывая потребности в создании резерва мощностей в соответствии с мобилизационным планом, утверждали, что станки не только очень дорогие, но и вообще их не требуется в таком количестве. Комиссии советского и партийного контроля, а также прокуратура, куда поступали эти жалобы, потребовали объяснений от меня, как наркома, от П. Н. Горемыкина, который был тогда первым моим заместителем, и от начальника технического управления наркомата Э. А. Саттеля. В конце концов мы согласились на небольшое уменьшение заказа, но при этом не отказались от большинства нужных станков.

В целом же заказанное в 1939—1940 гг. импортное оборудование впоследствии, во время войны, сыграло большую роль. Дело в том, что эти станки поступали и в период военных действий по ленд-лизу. Длительный срок, необходимый для их изготовления, делает очевидным, что если бы они не были заказаны в те годы, то поступили бы в лучшем случае к концу войны. А именно в них, особенно в специальных станках для артиллерийского производства, во время войны была наибольшая нужда. Поэтому следует вновь подчеркнуть, что в свете обстановки довоенного времени и намечавшихся тогда планов на будущее решение об импорте оборудования было правильным и весьма предусмотрительным.

Трудности со станочным оборудованием были не только в СССР. Как видно из опубликованных немецких материалов, в Германии перед началом второй мировой войны недооценили значение обеспеченности промышленности станками, и это вызвало в первые годы войны затруднения в развертывании военного производства. Бывший гитлеровский генерал Б. Мюллер-Гиллебранд, например, анализируя состояние германской промышленности в начале войны, отмечал: «Существенную роль в развертывании военного производства играло обеспечение предприятий военной промышленности станками, чему до войны вследствие нехватки иностранной валюты не было уделено должного внимания. Чтобы ликвидировать этот недостаток, еще в мирное время был подготовлен обмен станками между промышленными предприятиями, который намечалось провести с объявлением мобилизации. Сделать этого, однако, не удалось. Созданный... комитет по регулированию снабжения промышленности станками пытался по возможности наверстать упущенное. Но, пока это ему удалось сделать, прошло немало драгоценного времени». Вряд ли, однако, в Германии не хватало станков. Дело скорее опять-таки было в том, что и в этом вопросе государственные интересы столкнулись с частными. В СССР же не было и не могло быть такого положения. У нас единственным хозяином всех средств производства является социалистическое государство, политика которого осуществляется целиком в интересах народа. Это и обеспечивает единство целей и согласованность деятельности всех звеньев социалистического общества и народного хозяйства, обусловившие Советскому Союзу в годы войны превосходство над противником не только в военном и политическом, но и в экономическом отношении. Одним из примеров тому и являются проведенные тогда в СССР весьма эффективные меры по перераспределению промышленного оборудования. Не менее значительную роль сыграла осуществленная еще до войны организация производства станков на предприятиях самых различных отраслей индустрии. Дело в том, что положение с импортом из года в год становилось все напряженнее. В то же время значительным подспорьем для отечественного станкостроения могло стать производство технологического оборудования для собственных нужд на заводах других отраслей. Заводы промышленности вооружения представляли собою самую подходящую базу для развития станкостроения, причем не только для удовлетворения своих потребностей, но и для всего народного хозяйства. Основные предпосылки этого состояли в следующем: текущие заказы на вооружение не полностью загружали имевшиеся и вновь создаваемые по мобилизационному плану производственные мощности, особенно в заготовительных и подсобных цехах; наличие высококвалифицированных кадров позволяло быстро освоить выпуск сложных и точных станков, что, в свою очередь, открывало возможность подготовить значительный резерв опытных специалистов, необходимых для развертывания военного производства по мобилизационному плану; собственное станкостроение способствовало ускоренному оснащению заводов вооружения технологическим оборудованием и пополнению мобилизационного запаса. Вот почему в промышленности вооружения в больших масштабах развивалось производство металлорежущих и других станков. По выпуску этого оборудования как в количественном, так и в качественном отношении оружейные заводы достигли, а некоторые даже превосходили уровень специальных станкостроительных предприятий. Например, лучшими в стране считались бесцентрово-шлифовальные (ТБШ), горизонтально-фрезерные, токарно-винторезные, зуборезные и многие другие станки, которые изготовлялись заводами вооружения. Наряду с универсальным технологическим оборудованием здесь же выпускались в большом количестве специальные станки, главным образом для оружейно-пулеметного и патронного производства. На ряде заводов вооружения были созданы крупные цехи режущего и мерительного инструмента высокой точности, которые поставляли свою продукцию не только для текущего производства и в мобилизационный запас, но и для нужд народного хозяйства.

Заложенные до войны в мобилизационный запас станки, инструмент, технологическое оборудование, как и заготовки, поковки, заделы по главным деталям в виде незавершенного производства и другие материалы обеспечения, с первых же дней войны дали возможность в предельно короткие сроки увеличить производство вооружения на действующих заводах и наладить его изготовление на перебазированных, а также на предприятиях, ранее изготовлявших мирную продукцию.

Как уже сказано выше, во время войны был создан наркомат минометного вооружения. Он возник на базе среднего и сельскохозяйственного машиностроения, которые имели значительные литейные мощности и по структуре и организации производства могли быть легко использованы для массового изготовления мин и минометов. Тем более, что еще до войны на большинстве этих заводов имелись так называемые специальные производства (цехи, участки и т. п.), на которых обрабатывалась технология и осваивался выпуск данного вооружения и создавалось необходимое для этого ядро кадров. Нужно ли было в мирное время параллельно с этими заводами создавать такие же мощности специально для производства мин и минометов? Разумеется, нет. То же самое можно сказать о ряде заводов судостроительной, тракторной и станкостроительной промышленности, потенциально способных производить боевую технику. В мирное время они выпускали тракторы, суда и станки, но было совершенно очевидно, что в случае войны они должны будут свернуть это производство из-за нехватки металла, квалифицированных кадров и вообще рабочей силы. Военная экономика не могла использовать эти заводы для выпуска их обычной продукции в объеме мирного времени. Следовательно, само собой определялось, что мощности ряда станкостроительных заводов в военное время будут загружены заказами на боевую технику. И действительно, с самого начала войны многие из них были подключены к наркомату танковой промышленности и сыграли значительную роль в увеличении поставок для армии. Взять, к примеру, Челябинский тракторный завод. Он и построен был с учетом того, чтобы в случае необходимости перевести его на производство танков и артиллерийских тягачей. Я хорошо это помню, так как во время его строительства на меня была возложена ответственность за оборудование ЧТЗ. Мне же довелось возглавить государственную комиссию по пуску этого предприятия. Естественно, приходилось по вопросам, связанным с сооружением ЧТЗ, бывать на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). И не раз при этом было сказано, что ЧТЗ должен обладать всем необходимым для перевода его в случае надобности на военное производство. Осуществляя такой курс, партия с полным основанием исходила из того, что в современной войне побеждает то государство, которое в процессе вооруженной борьбы может сосредоточить в наиболее короткие сроки все ресурсы, мощности и силы на производстве военной продукции и превзойти в данном отношении противника. Как показал опыт Великой Отечественной войны, именно социалистическая экономика обеспечивает подобное преимущество. Не последнее место в этом принадлежит тому обстоятельству, что она является общенародным достоянием. Поэтому для нее не существует, например, острой проблемы, названной немецким экономистом Гансом Керлем «одной из важнейших задач руководителей экономики» капиталистических государств и заключающейся в том, чтобы «найти правильный синтез частной инициативы и государственного руководства». Не решила эту проблему и фашистская Германия. Хотя она и обладала мощной индустрией, но капиталистическая система не смогла в нужный момент быстро перестроить экономику, всецело подчинить ее единой цели — нуждам государства. Тормозом явились частные интересы корпораций и фирм, которые не всегда совпадали с интересами общегосударственными. Это вынуждены были признать даже западногерманские экономисты. Тот же Керль, в частности, писал: «Организация военной экономики (в Германии. — Б. В.) страдала непосредственностью и отсутствием единства. Заводское оборудование и методы управления хозяйством были унаследованы еще от довоенной системы. Возникшие еще перед войной экономические трудности и рост дефицита вызвали острую необходимость некоторых мероприятий по упорядочению управления экономикой. Постепенно число этих мероприятий выросло до внушительных размеров, однако привести их к единому знаменателю, то есть координировать их, никому не удалось».

Коренным образом отличалось положение дел в Советском Союзе, экономической основой которого является социалистическая собственность на средства производства, сосредоточение в руках государства всех сырьевых ресурсов страны. Поэтому, хотя советскому народу пришлось развить военную экономику на невероятно тяжелых условиях вынужденной эвакуации промышленности на восток и временной потери важнейших индустриальных и сельскохозяйственных районов, положительные результаты все же были достигнуты в самые короткие сроки.

Наряду с другими факторами исключительно важную роль в создании такой мощной военной экономики в СССР сыграло заблаговременное, осуществленное до войны широкое развитие мощностей и передовой техники в промышленности, в первую очередь в оборонной. Уже тогда перед военной индустрией была поставлена глубоко продуманная и четкая мобилизационная задача. Она состояла в том, чтобы создать головные заводы, конструкторские бюро и научно-исследовательские институты, призванные конструировать, а затем осваивать в серийном или массовом производстве новые совершенные образцы вооружения; производить вооружение в размерах, необходимых для снабжения армии в мирное время, обеспечить запасы вооружения в

количествах, соответствующих мобилизационным потребностям на случай войны и для восполнения потерь на начальных ее этапах, и тем самым дать возможность провести в установленные по мобилизационному плану сроки развертывание мощностей военной и гражданской промышленности до полного обеспечения вооружением потребностей войны.

В число особо важных задач входило и накопление мобилизационных резервов специального металла, металлургических заготовок, полуфабрикатов (заделов) по всем переходам (операциям) технологического процесса на весь производственный цикл. И все это было сделано в мирное время. Трудно переоценить значение своевременного создания огромного мобилизационного запаса на всех заводах артиллерийского и стрелкового вооружения. Оно сыграло первостепенную роль в ликвидации весьма тяжелого положения, в котором оказалась наша страна в результате военных неудач первых месяцев войны.

Промышленность вооружения в предвоенный период выполнила и другую ответственную задачу — обеспечение мобилизационной подготовки не только собственных заводов, но и предприятий гражданской индустрии, способных при необходимости производить оружие для армии. Именно этим и объясняется, что производство артиллерийского и стрелкового вооружения, потерявшее в первое полугодие войны значительные мощности и далеко не полностью восстановившее их в 1942 г., смогло, однако, выпустить в течение того же 1942 г. такое количество продукции, что ею можно было бы вооружить 535 стрелковых и кавалерийских дивизий, 342 артиллерийских полка и 57 воздушнодесантных частей. Это не только с лихвой обеспечило потребности армии на фронте, но и позволило накопить запасы на базах.

Полностью оправдал себя взятый до войны курс на комплексное развитие промышленности вооружения. В этом отношении она также достигла более высоких результатов, чем другие отрасли военной индустрии, и в частности имела свою металлургическую базу. Это было мощное и всесторонне развитое производство специальных высококачественных оружейных и пушечных сталей, специального профильного и листового проката, кузнечно-прессовое производство с оборудованием для сложной и ответственной термической обработки. Крупные оружейные и оружейно-пулеметные заводы, по существу, представляли собой мощные комплексные объединения металлургии и машиностроения. Это стало возможным благодаря тому, что создание прочной базы специальной металлургии для данных предприятий всегда находилось в центре внимания партии и правительства. Для этого выделялись крупные средства, лучшее отечественное и импортное оборудование. Потребности металлургии вооружения удовлетворялись в первую очередь. Созданная таким образом крупная база производства поковок, штамповки и других металлургических заготовок, являющаяся важнейшей предпосылкой выпуска вооружения, и определила исключительно высокий уровень мобилизационной готовности оружейных, оружейно-пулеметных и других заводов.

Состояние этой базы к началу войны было таково, что даже вывод из строя в 1941 г. значительного числа крупных металлургических заводов вооружения на Украине, в Поволжье, Ленинграде и других районах не повлек за собой катастрофы. Этот огромный ущерб был компенсирован металлургией вооружения, расположенной на востоке страны. Как эвакуированные оружейные и пулеметно-оружейные заводы, так и привлеченные для изготовления оружия предприятия гражданских отраслей промышленности в короткие сроки начали выпускать винтовки, пулеметы, пушки и другие виды вооружения. Металлургическая база промышленности вооружения, которая находилась в районах, не затронутых войной, была столь значительной, что смогла полностью обеспечить потребности всех этих заводов.

В связи с этим представляет несомненный интерес оценка мощностей специальной металлургии в первый год войны. Они состояли тогда из 35 мартеновских печей общей емкостью 1 400 т и 21 прокатного стана. Наибольшая их часть действовала на заводах вооружения в глубоком тылу. Там находилось 43% указанной выше емкости мартенов и 83% прокатных мощностей. Но в то же время 45% мартеновских емкостей сосредоточивалось в Ленинграде (там же действовало 17% общей мощности мартенов промышленности вооружения) и Сталинграде. Практически промышленность вооружения на начальной стадии войны потеряла 45% емкостей мартеновских печей и 17% прокатных станов. За весь военный период на заводах вооружения были введены в эксплуатацию две новых мартеновских печи общей емкостью 100 т, что возместило лишь незначительную часть ущерба, понесенного в 1941 году. Лучше компенсировались потери прокатных мощностей: в Заволжье в 1941—1942 гг. были использованы для артиллерийского производства четыре стана, из которых ранее три выполняли заказы судостроения и один строился.

Несомненно, крупным достижением явился непрерывный рост выпуска вооружения без наращивания мартеновских и прокатных мощностей, достигнутый в годы войны. Это было прямым результатом самоотверженных и исключительно плодотворных трудов советских инженеров и рабочих — рационализаторов и изобретателей. Металлурги-вооруженцы добились больших результатов и по росту производительности металлургических агрегатов и оборудования. Был увеличен сьем с квадратного метра пода плавильных печей, улучшены коэффициенты, сократились простои и сроки ремонта.

Большое значение также имели удачно проведенные до войны специализация и районирование промышленности наркомата вооружения. Поскольку металлургия заводов, оказавшихся в зоне военных действий, обеспечивала только собственное артиллерийское производство, то вывод их из строя не отразился на изготовлении орудий другими предприятиями. Что касается заводов, изготовлявших винтовки, пулеметы, автоматы, авиационное оружие и т. п., то многие из них всеми видами штамповок, заготовок и специального проката также снабжали металлургические предприятия наркомата вооружения, расположенные в восточных районах. Конечно, немалая часть ценнейшего оборудования была эвакуирована из прифронтовой полосы в тыл. Но даже те заводы, которые промышленность вооружения в начале войны потеряла в западных районах, в основном специализировались на морской артиллерии. А так как строительство военно-морского флота, как известно, было прекращено в этот период, то ущерб для производства необходимого тогда вооружения оказался несравненно меньшим, чем он мог стать при иной специализации. Наконец, еще в мирное время производство орудий сухопутной артиллерии было сосредоточено главным образом на востоке страны.

Директивы партии, положенные в основу развития промышленности вооружения, предусматривали: максимальную специализацию заводов по видам продукции и по характеру оборудования, комплексное развитие крупных заводов; максимальное дублирование производства главнейших видов вооружения посредством создания заводов в Европейской части СССР, главным образом в районах волжских городов, Московской области и севернее, а также на востоке страны, преимущественно на Урале; подготовка мощностей по производству всех видов вооружения, которые с привлечением заводов других отраслей промышленности могли бы полностью обеспечить намеченные мобилизационными планами потребности на случай войны. Именно в результате осуществления этих директив партии и ее повседневной заботы об укреплении обороноспособности страны промышленность вооружения выдержала серьезные испытания, вызванные потерей на первом этапе войны значительных металлургических мощностей, не допустила дезорганизации производства в военное время и полностью обеспечила потребности фронта.

Нетрудно представить себе, что это было бы невозможно без созданной в мирное время на востоке страны металлургической базы промышленности вооружения. Ведь если бы ее оказалось недостаточно для удовлетворения потребностей военного времени, то нужны были бы не месяцы, а годы, чтобы установить и пустить эвакуированное металлургическое оборудование или построить новые мартены, станы, тяжелые прессы. Этот вывод основан на том, что уровень строительной техники тех лет требовал 6—9 месяцев для строительства одной мартеновской печи, а на создание мартеновского цеха с необходимым подсобным хозяйством уходило 1,5—2 года.

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, ни одно государство не избежало промахов в подготовке вооружения для своих армий. Но в западноевропейских странах, легко побежденных гитлеровским вермахтом, ошибки являлись главным образом следствием антинародной политики правительства, а в самой фашистской Германии были предопределены ее преступными и авантюристическими военными планами.

У нас же ошибки такого рода, по моему глубокому убеждению, были исключительно результатом того, что ряд решений принимался в спешке. И тот факт, что они все же исправлялись и что в целом советское оружие по своей мощности превосходило военную технику грозного противника, является лучшим свидетельством могучих, непроборимых сил социалистического общества, его превосходства над капиталистическим как в социальной, политической и экономической областях, так и в развитии военной техники.